

Он даже не осознавал, что Чэн Юя беспокоит не это, а то, что он только что пил из этой бутылки молока, а теперь передает ее ему.

Что это вообще такое?

Двое мужчин пьют из одной бутылки? Это что, косвенный поцелуй?

Нет—!!!

Чэн Юй немедленно подавил эту глупую мысль в зародыше.

— Можешь дать мне другую бутылку? — спросил он.

Гу Ши посмотрел на него:

— Есть только одна.

— ...

Черт возьми! Чэн Юй чувствовал, что помимо жжения в желудке, теперь и его настроение было на грани взрыва.

Закрыв глаза и сделав паузу на несколько секунд, он посмотрел на Гу Ши:

— У меня во рту так жжет, что я не могу открыть его. Пожалуйста, найди мне соломинку.

Я скорее умру, чем допущу косвенный поцелуй с тобой!

Это мой предел!

В этот момент Чэн Юй чувствовал себя как целомудренный мужчина, охраняющий свою честь.

Гу Ши: ... Соломинку?

В его понимании, бутылки, казалось, не требовали соломинок. Но раз Чэн Юй просит, Гу Ши должен был выполнить его просьбу.

Ведь Чэн Юй сейчас был пациентом.

Пока Гу Ши искал соломинку, Чэн Юй достал из кармана записку и клочки бумаги.

Он быстро просмотрел записку и положил ее обратно.

Остальные клочки бумаги было трудно собрать, особенно в его состоянии. Сидя в таком положении, он чувствовал себя еще более неудобно. Собрать их было сложно и отнимало много времени.

Полулежа, полусидя — это было настоящим мучением.

К счастью, он изучал архитектуру, поэтому ему было легче справляться с композицией и контурами, что сэкономило немного времени.

Собрав половину, он откинулся на стену, тяжело дыша.

Очевидно, нельзя было есть что попало. Он давно не испытывал боли в желудке, и на этот раз

она оказалась такой сильной.

— ... Ху... у... э... — стоны доносились до ушей Гу Ши, который так и не нашел соломинку. Вместо этого он взял огурец, вырезал сердцевину и обрезал его снаружи.

Соломинка была готова, но у Чэн Юя не было сил поднять руку, поэтому Гу Ши поднес молоко к его губам.

— Ты... — Чэн Юй посмотрел на соломинку из огурца, и его лицо стало еще более мрачным.

Гу Ши сказал:

— Соломинку я не нашел, но на кухне был плакат, и я сделал тебе ее по образцу.

Чэн Юй опустил глаза, глядя на соломинку из огурца, и, как автомат, начал медленно пить.

Гу Ши наблюдал за движением его кадыка, как тот пил, затем отдыхал, снова пил и снова отдыхал.

Он был таким спокойным, словно ребенок.

Когда бутылка почти опустела, Гу Ши взял ее, быстро доел огурец и допил оставшееся молоко.

Под взглядом Чэн Юя, полным изумления, он облизал губы и спокойно сказал:

— Вместе в радости, вместе в горе.

Чэн Юй: ...

Вместе в горе, блин!

Черт возьми, у этого парня точно что-то не так с головой!

Забрал молоко у больного, сделал соломинку из огурца, чертов идиот!

Пока Чэн Юй, выпив молоко, почувствовал себя немного лучше, Гу Ши нашел на кухне немного риса и фиников, чтобы приготовить ему кашу.

Время в этой аудитории 555 текло иначе, или, скорее, часы здесь шли медленнее. Судя по предыдущему случаю и нынешнему, Гу Ши уже мог это подтвердить.

Эта аудитория отличалась от других по временному потоку.

Бабушка Лю говорила, что после входа в аудиторию начнется отсчет 15 минут, но в этой аудитории, по реальному времени, прошло уже больше получаса.

Включив плиту, Гу Ши повернулся и заметил, что Чэн Юй тоже смотрит на часы.

Он прислонился к стене, упираясь головой в нее, словно задумавшись.

— Ты тоже заметил? — спросил Гу Ши.

Чэн Юй повернулся, увидев, что на него смотрят, и, подумав, решил его подловить, улыбнувшись с хитростью:

— Меня до сих пор жжет так, что я едва соображаю. Какие проблемы я могу заметить? Я и так еле живой. А ты? Что заметил?

— Часы идут не так, как обычно. Кажется, секундная стрелка делает полный круг, а минутная останавливается на полминуты, и так повторяется.

Чэн Юй был поражен. Он только заметил, что с момента входа время на часах почти не изменилось, но Гу Ши наблюдал так внимательно.

— Может, ты ошибся?

Гу Ши покачал головой:

— Нет, я заметил это еще в прошлый раз, когда мы здесь были.

Чэн Юй не ответил, глядя на часы.

Гу Ши, видя, что он молчит, снова повернулся и сосредоточился на каше, которая варилась на плите.

Немного отдохнув с закрытыми глазами, Чэн Юй помассировал желудок, и боль наконец утихла, жжение тоже прошло.

Хорошо, что Гу Ши вовремя привел его сюда и дал выпить молока, чтобы облегчить симптомы. Если бы он опоздал, Чэн Юй думал, что его жизнь могла бы закончиться.

Он не помнил, когда начались проблемы с желудком. Знало только, что нельзя есть слишком острую пищу.

Острый соус чили — тогда у него действительно не было другого выбора.

Раньше на полках было полно продуктов на выбор, но после трех мерцаний фонарей их количество резко уменьшилось.

Все были заняты приготовлением еды, и почти никто не заметил этого.

Только Чэн Юй, который медлил и ходил туда-сюда, обратил на это внимание.

Люди готовили еду, но столько продуктов не могло быть использовано. Куда же исчезли остальные?

Он размышлял над этим, одновременно собирая оставшиеся клочки бумаги.

Результат был таким, как он и ожидал.

Изначально Ю Цзя написала на записке кодовое имя «Достало!».

А из оставшихся клочков бумаги он собрал кодовое имя, которое показалось ему знакомым — предупреждение быть осторожным с Гу Ши. Этот человек написал кодовое имя «Юаньсяо».

Юаньсяо.

Это традиционный китайский праздник, символизирующий семейное воссоединение и добрые пожелания.

Тот, кто написал это кодовое имя, возможно, завидовал жизни «Юаньсяо» и поэтому проголосовал против него. На самом деле, Чэн Юй обнаружил, что «Юаньсяо» получил не один голос, а два.

Два человека проголосовали за «Юаньсяо», и, по мнению Чэн Юя, это могло означать только одно: эти двое были очень близки и, вероятно, согласовали свои голоса.

Из всех возможных кандидатов он подумал о четырех людях.

Сюй Инь, Сюй Тин, Ю Цзя и Ван Ло.

Из восьми голосов Гу Ши, можно сказать, отказался от голосования, и клочки бумаги подтвердили, что его кодового имени среди них не было.

Из оставшихся семи он мог быть уверен в кодовых именах Старины К и Хуан Тая, а также в четырех подозреваемых, проголосовавших за «Юаньсяо».

Собрав клочки бумаги в комок, он метнул его в ближайшую мусорную корзину с точностью.

Он глубоко вздохнул.

Через некоторое время Чэн Юй, опираясь на стену, встал, взял пиджак Гу Ши и начал ходить вокруг полок, внимательно осматривая каждую мелочь.

Небольшое пространство между полками он обходил туда-сюда, то задумчиво останавливаясь, то глядя на фонари.

Человек, занятый на кухне, казалось, был забыт. Чэн Юй погрузился в свой мир.

Гу Ши, закончив варить кашу с финиками, из-за неправильного расчета количества риса, получил не маленькую чашку каши, а целую миску.

В шкафчике над кухней не было подходящей маленькой миски, поэтому он взял таз и вылил туда всю кашу.

Довольный, он вернулся с тазом к месту, где они собирались есть.

— Чэн Юй!

Человек, погруженный в свои мысли, внезапно услышал свое имя и очнулся.

Он повернулся к знакомому лицу.

— Неплохо справился! — быстро подошел к нему Чэн Юй, усаживаясь на стул.

Когда Гу Ши протянул ему таз, он понял, насколько он был большим. Он был лишь немного меньше таза, который он использовал в университете для умывания.

Чэн Юй потемнел лицом. У меня болит желудок, мне нужно немного теплой каши.

А не целый таз, как для свиньи!

Гу Ши протянул ему ложку:

— Вот, ты уже пользовался ею.

Авторская ремарка:

Гу Ши: Я хоть и не сделал ничего особенного, но потратил немало сил, неся тебя. Почему я не могу выпить молока?

Чэн Юй: Злюсь! Но мне нечего ответить о(т□т)о

(У нашего Гу Ши мозги работают не так, как у обычных людей, Чэн Юй, держись (*^▽^*))

[Спасибо за чтение]

<http://bllate.org/book/16242/1460018>